

**«Убыхи» Л.И. Лаврова:
1936 — 1950 — 2009**

**“The Ubykhs”
by Leonid Lavrov: 1936 —
1950 — 2009**

На первый взгляд может показаться странным, что среди работ, выбранных нами для публикации в серии «Кунсткамера — Архив», совсем не много таких, которые не увидели свет в первую очередь в связи с идеологической цензурой советского времени. Советский историк, этнограф, востоковед, стремившийся донести до своей аудитории результаты многолетней научной работы, часто был готов на определенные умолчания, ритуальное цитирование классиков марксизма-ленинизма и основополагающих партийных документов, связанных с темой его исследований. С другой стороны, читающая аудитория тех времен прекрасно научилась не обращать на этот ритуал особого внимания.

В этом отношении работа Леонида Ивановича Лаврова, одного из ведущих советских кавказоведов, чье столетие мы отмечаем в 2009 г., является заметным исключением. Труд, посвященный трагической истории убыхов — народа, который в результате Кавказской войны принял решение о переселении в пределы Османской империи, и написанный с позиций поддержки автором борьбы гор-

At first sight it may seem rather strange that among the works we chose for a publication series titled “Kunstkamera — Archives” there are not too many of those that had not seen light in relation to ideological censorship of the Soviet times in the first place. A Soviet historian, ethnographer and Orientalist, who was striving to get across the results of his scientific work of many years to his audience, was often ready to omit certain things and/or ritually cite classics of Marxism-Leninism and fundamental Party documents that had to do with themes of his research. On the other hand, reading audience of those days learned not to pay much attention to that ritual.

In that regard the work of Leonid Ivanovich Lavrov, one of the leading Soviet Caucasologist, whose centenary we celebrate in 2009, is a visible exclusion. The work was dedicated to the tragic history of the Ubykhs — a people group, which as a result of the Caucasian War, made a decision to migrate to the territories of the Ottoman Empire. And it was written from the perspective of the author’s support of the mountain dweller’s struggle. It could not be published either in 1937–1940, when he seemed to strictly follow the official position of the

цев, не смог быть опубликован ни в 1937–1940 гг., когда, казалось, он строго следовал официальной партийной позиции, ни тем более в послевоенное время, когда эта позиция кардинально изменилась. При этом автор не стал перерабатывать текст своей книги ради публикации, которая в таком случае была бы возможна в начале 1950-х годов. Первая монография Лаврова навсегда осталась в его архиве.

В любом случае, непростая история страны не способствовала публикации этой книги. При нехватке или полном отсутствии традиционных исторических источников автор уделил особое внимание анализу лингвистического материала. Здесь он во многом опирался на достижения своего научного руководителя Анатолия Нестеровича Генко, автора принципиально важной статьи «О языке убыхов», репрессированного в годы сталинского террора. Лавров был вынужден исключить работы Генко из списка использованной литературы, хотя сохранил в тексте скрытые цитаты из его работ.

Текст монографии едва не погиб в блокадном Ленинграде, и его публикация стала окончательно невозможной после кампании 1950 г., направленной на «развенчание» Шамиля и мюридизма.

Сегодня текст, созданный более 70-ти лет назад и, конечно же, отражающий в полной мере состояние науки и общественные приоритеты тех лет, объективно вновь

Party nor in the after-war times when that position changed drastically. At that the author did not begin to edit the text of his book for the purpose of being published, which in that case, would have been possible in the early 1950s. The first monograph of Lavrov remained in his archive for good.

In any case the complex history of the country was not too conducive for the publication of the book. With the shortage of traditional historical sources at hand or the lack thereof, the author gave particular attention to the analysis of linguistic material. He leaned against achievements of his scientific advisor in this case, Anatolii Nesterovich Genko, the author of a principle article titled “Of the Language of the Ubykhs”; who was subject to repression during the years of Stalin’s terror. Lavrov was forced to exclude the works of Genko from the bibliography cited, although he did preserve some hidden quotes from the works of the latter in his text. The text of the monograph almost perished in besieged Leningrad, and its publication became impossible once and for all after the campaign of 1950 aimed at the “debunking” of Shamil and Muridism.

Today the text written over 70 years ago, which undoubtedly reflects the state of science and social priorities of those years in full, once again objectively becomes keenly relevant under conditions of intent interest in the Caucasian history, especially in relation to the upcoming Olympics in Sochi in 2014. No doubt the work of L.I. Lavrov cannot present “the

становится остроактуальным в условиях пристального интереса к кавказской истории в том числе и в связи с подготовкой к проведению сочинской олимпиады 2014 г. Труд Л.И. Лаврова, безусловно, не может являться «истиной в последней инстанции», однако включенный в книгу богатейший материал и сегодня является важнейшим источником для воссоздания этапов истории и культуры убыхов. В этом отношении, предпринятая МАЭ публикация, приуроченная к столетию со дня рождения Л.И. Лаврова, позволяет нам вернуть старый долг как ее автору, так и целому народу.

Когда книга была практически подготовлена к изданию, дочь кавказоведов и коллег Л.И. Лаврова, Анатолия Нестеровича Генко и Лидии Борисовны Панек, Галина Анатольевна Генко передала в Музей ксерокопию письма, обнаруженного ею в семейном архиве. Письмо датировано апрелем 1944 г. В нем Лавров пишет о судьбе своих научных работ, остававшихся в блокадном Ленинграде, когда он сам был на фронте, и в частности о работе «Убыхи», к счастью уцелевшей. Ниже мы приводим текст письма целиком. Этот подлинный документ эпохи может служить прекрасной иллюстрацией не только к судьбе этой книги и ее автора, но и к многим книгам серии «Кунсткамера — Архив», чья встреча с читателем оказалось отложенной на десятилетия.

truth of ultimate authority”. Even today the rich materials included in the book, however, are the most significant sources for recreating important stages of Ubykh history and culture. In this regard the publication, undertaken by the MAE and timed to the centenary of L.I. Lavrov’s birth, allows us to repay debts to its author as well as the whole nation.

When the book was practically ready for publishing, the daughter of Anatolii Nesterovich Genko and Lydia Borisovna Panek, Caucasologists and colleagues of L.I. Lavrov, Galina Anatolievna Genko admitted to the Museum a photocopy of the letter that she discovered in the family archives. The letter was dated to April of 1944. In it Lavrov writes about the fate of his scientific works that remained in besieged Leningrad, when he went to the front, and particularly about his “Ubykh” work, which luckily survived. Below the text of the letter is cited in its entirety. This authentic document of the epoch may serve as a fine illustration not only for the fate of this book and its author, but also for many books from the “Kunstkamera — Archives” series. Their meeting with the readers happened to be delayed for decades.

“Greetings, dear Lydia Borisovna!

I haste to write You regarding the facts that, first, I have received two of Your letters simultaneously and, second, yesterday I came to Kargopol from Leningrad, where I spent 7 days. Let me start with the latter. I was at Your

«Людия Борисовна, дорогая, здравствуйте!

Спешу Вам написать о том, что я, во-первых, получил сразу 2 Ваших письма и, во-вторых, что я вчера приехал в Каргополь из Ленинграда, где провел 7 дней. Начну с последнего. Был в вашем доме. Звонил в Вашу квартиру, но никто не открыл. Найдя какую-то тигрицу, назвавшуюся управхозом, я попытался спросить о судьбе Вашей площади и Ваших книг. Тигра зарычала: А кто вы такой? Почему вас интересует Панек? Ваши документы!.. и т.д.». Я сказал ей, что «моя сослуживица г. Панек как научный работник, имеет право на свою площадь» и, что «если погибнет библиотека г. Панек, то это будет большая потеря для советской науки. Если Вы, управхоз, не сохраните этой библиотеки, то сделаете преступление, за которое будете отвечать». Зверь огрызался: «Надоела мне эта Панек. Все время все суются с нею ко мне. Тут библиотека им. Щедрина и еще разные пристают. Квартира Панек заселена. Панек не представила никаких документов, что она научный работник. Все ее книги хранятся в комнате, которая не заселена и опечатана». Комната эта в Вашей же квартире. Таким образом, если Вы пришлете своему ценному управхозу справку о том, что Вы научный работник (лучше бы — о степени кандидата наук!), то комната с книгами прочно бы числилась за Вами. Желая Вам поскорее защитить свою работу. Был в И-те. Видел тех, кто остались живы. Ис-

house. Rang the bell of Your apartment but no one opened the door. Having found some wildcat, who claimed to be the administrator, I attempted to inquire her of the fate of Your housing space and Your books. The wildcat roared in reply, "And who are you? Why would you be interested in Panek? Your documents!.. and so on and so forth". I told her that "my colleague Mrs. Panek has rights to her space as a scientific worker" and also "if the library of Mrs. Panek perishes, it will be a great loss for Soviet science. If You, the administrator, will not preserve this library, You will commit a crime for which You will answer". The beast snapped back, "I've had enough of this Panek. I'm always bothered by those who have something to do with her. It's the library of Schedrin here, and others are bugging me as well. The apartment of Panek is occupied. Panek did not present any documents that she was a scientific worker. All of her books are kept in a room that hasn't been occupied and is in fact sealed". This room is in Your apartment. Therefore, if You were to send Your chained administrator a certificate that confirms that You are a scientific worker (or better yet — Your Ph.D. certificate!), then the room with the books would be firmly listed under Your name. I wish You to defend Your thesis as soon as possible.

Visited the Institute. Saw those who survived. The Institute walls deformed on account of shell splinters, firing slits in the windows and dead silence in the auditoriums frozen with cold evoke grief. One wants but to speak quietly and walk slowly there just like at a cemetery. I found the abomination of desolation in

ковырянные осколками стены И-та, амбразуры в окнах и мертвецкая тишина в замороженных холодом залах вызывает тоску. Как на кладбище, там хочется говорить тихо и ходить медленно. У себя в квартире я нашел мерзость запустения. Одна из соседок сделала вышивку на рубахе управхоза и, в компенсацию за это, он позволил ей переселиться в мою комнату. Она ввехала, а вещи мои выкинула. Соседи и несоседи выбирали из них, что кому нужно и тащили себе. Белье, разная хозяйственная мелочь конечно не вызывает сожалений. Хуже то, что книги не только тащили, чтобы читать, но и чтобы топить ими печи. Единственную у меня фотографию отца я нашел в чужой (тоже брошенной) комнате на полу в мусоре. От рукописи «Религиозные верования черкесов» осталось 4 страницы. «История Балкарии», «История абазин» и многие другие меньшие сожжены. Такая же судьба постигла все выписки и часть моих экспедиционных дневников. «Убыхов» нашел в чужой квартире. Часть книжного имущества нашел в четырех разных квартирах. Сейчас комнату свою я снова опечатал. «Убыхов» забрал с собою. Таким образом, материал для диссертации имею. Правда я предпочел бы предложить не «Убыхов», а «Балкарию» или «Абазин», как более поздних и, поэтому более зрелых, чем «Убыхи». Ваше предложение о защите конечно заманчиво. Но есть много «но». Вот они: 1) Общеисторические установки в «Убыхах» устарели и требуют некоторого исправления. 2) Для

my apartment. One of my neighbors did some needlework on the jacket of our administrator and, as a compensation for it, he allowed her to move into my apartment. She moved in and threw all of my stuff out. Neighbors and non-neighbors picked out what they needed and took it home. Laundry and various utility articles, of course, cause no regrets. Much worse is the fact that the books were taken not only to be read, but also to stoke stoves with. The only photograph of my father that I possessed I found in somebody else's room (also abandoned) in a pile of trash on the floor. Only four pages of the "Religious Beliefs of the Circassians" manuscript remained. "The History of Balkaria", "The History of the Abazins" and many other — smaller — ones were burnt. The same fate befell all of the excerpts and a part of my expedition journals. I found "The Ubykhs" in somebody else's apartment. Parts of my book property were found in four different apartments. Now I have sealed my apartment again. I've taken "The Ubykhs" with me. Thereby, I do have materials for my thesis in my possession. I'd prefer to propose "Balkaria" or "Abazins" over "Ubykhs", since they are much later and more mature works than the one on "Ubykhs". Your offer for my thesis defense is certainly attractive. But there are quite a few "buts" about it. Here they are: 1) Common historical settings in "The Ubykhs" have gone out of date and require some revision; 2) In order to type it in several copies (which I think is required of a candidate for a degree, isn't that so?), one needs to have a typewriter, which I don't; 3) Qualifying examinations for the candidate's degree

того, чтобы их перепечатать в нескольких экземплярах (что кажется требуется от диссертанта?), нужно иметь машинку, которой у меня нет. 3) Экзамены по кандидатскому минимуму для меня трудны: не тем голова была забита эти 2 ½ года. 4) Чтобы экзаменоваться и защищать меня должны официально вызвать авторитетные учреждения. Вызов (если все же Вы его устроите) нужно направить моему начальству по адресу: г. Каргополь, Арх. обл., Велико-Устюжское Военное Пехотное Училище, Начальнику училища. Если Вам удастся что-либо сделать в этом направлении — я буду очень Вам благодарен. Но, скажу прямо: мало верю в успех экзаменов, защиты и даже вызова.

С удовольствием читал Ваши блестящие очерки о Ташкентском коллективе этнографов. Ясно представил себе персональный состав и деятельность. Эх!... Передайте большой привет и засвидетельствуйте мое глубокое уважение Бломквист (к своему стыду — забыл имя и отч.). Передайте (вспомнил!) Евг. Эд., что ее бинокль сослужил мне на фронте большую службу. Он был лучше, чем стандартные полевые бинокли. Потом его разнесло снарядом.

Мой друг Бойцов убит. Его квартира разбита снарядом. Вещи погибли. Жена живет в Калин. обл. Анат. Ив. Толмачев умер в Ленинграде в зиму 41–42 гг. Такова судьба!

Живу верой в Завтра. Ведь кончится когда-нибудь война! Тогда мы встретимся, расскажем о том, что было каждым пережито, добрым

are very hard for me: my head was filled with other things during the last 2 and a half years; 4) In order to take an examination and defend a thesis I need to be officially summoned by authoritative establishments. The summons (if You, after all, arrange for that to happen) need to be addressed to my authorities at the following address: Kargopol, Arkhangelsk Oblast, Veliky Ustyug Military Infantry School, to the head of the academy. If You were to succeed in making something happen in this direction, I would be very grateful to You. But I will tell You directly, though: I have rather slim faith in the success of the examinations, defense and even summons.

With great pleasure I was reading Your brilliant essays about the Tashkent team of ethnographers. I clearly imagined the personnel and its activity. Eh!... Please, give my regards to Blomqvist and pay him my deep respects (to my shame I have forgotten his first name and patronymic). Tell (I've remembered!) Evgenii Eduardovich, that his binoculars served me well at the front. It was much better than standard field glasses. And then they were smashed to pieces with a shell.

My friend Boytsov was killed. His apartment was destroyed with a shell. His belongings perished. His wife lives in Kaliningrad Oblast. Anatolii Ivanovich Tolmachev died in Leningrad during the winter of 41–42. Life's like that!

I live with a faith in Tomorrow. One day the war will be over, you know! And then we'll meet and share everything that each of us experienced, speak well of our unforgettable darlings who per-

словом помянем безвременно погибших незабываемых дорогих нам людей и чокнемся за будущее, за наших ребят.

Акс. Петр. посылает Вам наилучшие пожелания и, вместе со мною, мысленно целует Галочку. В Л-де мне рассказывали о ее подвиге в Ташкенте (с продовольствием).

Жду вашего письма.

Ваш Л. Лавров.

5/IV 44.

г. Каргополь.

P.S. Вспомнил, что возможно понадобится мой скудный список печатных работ (для диссертации). Прилагаю его к письму. Вы уж не осудите, что я внес в него газетные статьи. Дело в том, что они все же имеют исследовательский характер.

Л.»

ished prematurely and clink glasses for future and for our friends.

Aks. Petrovna sends You her best regards and, along with me, kisses Galochka in her mind's eye. In Leningrad I was told about her heroic deed in Tashkent (with the rations).

Waiting for Your letter.

Sincerely Yours

L. Lavrov.

5/IV 44.

Kargopol.

P.S. I just remembered that my scant list of printed works might be needed (for the thesis). I attach it to this letter. Don't blame me for not including newspaper articles into it. The fact of the matter is that they have a research nature to them.

L.”